

писем, тем самым предоставив работникам самим определять содержание коллективного договора. Помимо этого, была отменена их государственная регистрация.⁵³

Новый виток в совершенствовании коллективно-договорного регулирования связан с изданием «Общего положения о порядке заключения коллективных договоров» в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1988 г.⁵⁴ Общее положение предусматривало возможность закрепления дополнительных трудовых и социально-бытовых льгот для «коллектива или отдельных категорий рабочих и служащих»⁵⁵ и заключение коллективного договора профкомом от имени трудового коллектива с администрацией предприятия «после обсуждения и одобрения проекта коллективного договора на общих собраниях (конференциях) трудового коллектива».⁵⁶

Хотя вплоть до крушения советского строя коллективные договоры не смогли стать действенным рычагом гармонизации интересов производства и человека труда,⁵⁷ накопленный позитивный и негативный опыт должен учитываться в настоящее время, когда развитие коллективно-договорного регулирования в России происходит в условиях возврата к рыночным отношениям и многообразию форм собственности.

⁵³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1987. № 19. Ст. 236.

⁵⁴ То же. 1988. № 6. Ст. 168.

⁵⁵ Аكوва Е. М. О порядке и практике заключения коллективных договоров // Хозяйство и право. М., 1989. № 7. С. 49.

⁵⁶ Аكوва Е. М. Локальное правовое регулирование труда на предприятии // Правоведение. Л., 1989. № 2. С. 87.

⁵⁷ Ср.: Лившиц Р. З. Теория права. С. 181.

«Ins and Outs»: институт парламентской оппозиции в Великобритании XVIII в.

В. В. ПОНОМАРЕВА*

*The quarrel, that has been so long
is not in fact who's right or wrong;
But this my friend no longer doubt
'tis who is in and who is out.¹*

В соответствии с так называемой вигской концепцией истории важнейший итог развития парламента Великобритании в XVIII — первой трети XIX в. заключается в удачном разрешении вопроса о взаимоотношениях законодательной и исполнительной ветвей власти. Согласно этой концепции усиление парламента за счет короны происходило как следствие ряда консти-

* Кандидат истор. наук, доцент, начальник кафедры Сибирского юридического института МВД России.

© В. В. Пономарева, 2002

¹ Этот спор, что ведется настолько давно,
не о том, кто прав иль не прав, в самом деле;

туционных прецедентов, путем установления принципа ответственного правительства, при котором выбор монархом министров зависел от господствующего в палате общин большинства, а виги выступали в XVIII в. главными творцами британского парламентаризма и демократии. Политическая история Англии рассматривалась через призму борьбы партий тори, представлявших землевладельческую аристократию, и вигов, выражавших интересы денежной знати и части старой аристократии.²

Между тем, вместо характерной для большей части XIX в. поочередной смены правящих политических партий тори (консерваторов) и вигов (либералов) в XVIII — первой трети XIX в. стабильные правительства Норта (1770—1782), Питта Младшего (1783—1801), Ливерпуля (1812—1827), опиравшиеся в парламенте на поддерживавшее их большинство собственных сторонников и меньшинство оппозиции, чередовались с недолго существовавшими коалиционными кабинетами. В этом заключалось своеобразие политической системы Великобритании того времени, которая напоминает американскую модель двухпартийности.

Также не вполне корректно жестко идентифицировать тори и вигов с определенным классом или социальным интересом, принимая во внимание неустойчивость структуры английского общества того времени и неопределенность идейно-политических платформ как тори, так и вигов.³ Для обозначения *непартийного* характера политических сил, действовавших на британской парламентской сцене того времени, автор использует понятие «парламентские группировки», принимая во внимание определенные социальные интересы, стоявшие за действиями политиков и парламентских группировок.⁴ Парла-

*Но, друг мой, без малейшего сомненья,
он о том, кто внутри, а кто за дверью.*

Последнюю строку эпиграммы сложно перевести буквально из-за игры слов. Имеется в виду находившееся у власти правительство и оставшаяся не у дел оппозиция. Одна из форм голосования в парламенте заключалась в том, что сторонники правительства оставались внутри — «in», а оппозиция покидала помещение палаты общин, оказываясь «out» — «за дверями» большой политики. Возможно, так возникло выражение «Ins and Outs», ставшее общеупотребительным. Например, 19 января 1784 г. репортер ежедневной газеты «Morning Chronicle» сообщал, что присутствовавшие на праздновании дня рождения королевы Ins and Outs были, по крайней мере, любезны друг с другом.

² *Вызинский Г. В.* Англия в XVIII столетии: Публичные лекции: В 2 т. СПб., 1860. Т. 1. С. 21; *Кареев Н. И.* Происхождение современного народно-правового государства: Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. СПб., 1894. С. 93, 101; *Ковалевский М. М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму: Рост государства и его отражение в истории политических учений: В 3 т. М., 1906. Т. 3. С. 125—127; *Загидулина Г. Н.* Политическая борьба в Англии и французская буржуазная революция (1789—1794): Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1980. С. 37; *Левина М. И.* Парламентское право Великобритании XVI — начала XIX в. М., 2000. С. 109—111, 113, и др.

³ Определяя тори исключительно как сторонников «земельного интереса», а вигов, соответственно, торговой и промышленной буржуазии, исследователи упускают, что именно вигская оппозиция в конце XVIII в. яростно критиковала принцип «свободной торговли», лежавший в основе экономической политики либералов XIX в., тогда как правительство У. Питта Младшего выступало в поддержку free-trade.

⁴ Социально неоднородные парламентские группировки состояли из единомышленников, а также протеже и родственников влиятельных перов, основывались на сочетании семейно-личностных связей (патронаж), локальных деловых интересов, фамильных политических традициях. Оставаясь структурно аморфными, парламентские группировки объединялись политическим «здравым смыслом» и политико-правовыми принципами.

ментские группировки тори и вигов не следует представлять как объединения, преследовавшие сугубо политические или корыстные цели, поскольку это, бесспорно, обедняет общую картину политической борьбы в Великобритании XVIII — первой трети XIX в. Важным фактором, влиявшим на характер политической борьбы, был баланс социальных сил, лежащий в основе политической стабильности.

Постепенное размежевание политических сил, процесс становления политических партий в XIX в. обусловлен изменением характера избирательных кампаний и социальной структуры. В то же время объективно затруднительно определить четкую социальную ориентацию политических группировок тори и вигов, поскольку и те и другие на протяжении XVIII в. нечасто обращались за поддержкой к общественному мнению. Вполне оправданно рассматривать влияние Великой французской революции и наполеоновских войн как важнейшие факторы, обусловившие поляризацию политических сил и усиление консерватизма в английском обществе на рубеже XVIII—XIX вв.

С учетом понятия «национальный интерес» — совокупности личных и групповых интересов короны, аристократии, торговых и промышленных кругов, положенных в основу государственного курса, может быть определен единый критерий оценки исторической роли, успехов и неудач тори и вигов, а именно: способность правящей элиты приспосабливать законы и политические институты Великобритании к меняющимся экономическим и социальными реалиям, предотвращать общественные конфликты и революции. На основе этого мерил можно провести грань между традиционной представительной системой XIV—XVIII в. и современным представительством парламентского типа и двухпартийной системой Великобритании.

Концептуальный анализ политико-правового развития Англии в XVIII — первой трети XIX в. требует изучения не только политико-партийных, но и религиозных, конфессиональных проблем Ганноверской Англии. Период от «Славной революции» (1688) до избирательной реформы 1832 г. не следует одномерно рассматривать как разложение обреченного «старого порядка» и утверждение демократического строя. Поражения пяти якобинских восстаний, шести попыток вторжения сторонников свергнутых Стюартов с помощью иностранных держав и нескольких крупных заговоров якобитов, расчистившие вигам путь к власти, не были однозначно предопределены, а традиционные политические институты: монархия, аристократия, англиканская церковь на протяжении всего периода демонстрировали свою жизнеспособность и обеспечивали стабильность политической системы XVIII в.

Государственный строй, установившийся в Англии в начале XVIII в. и укрепленный конституционно-правовыми актами об устройении (1701), о регентстве (1707), об унии (1707) и т. п., основывался на архаической избирательной системе с высоким имущественным цензом, «гнилыми» местечками, непропорциональным представительством, лишавшим политических прав широкие слои населения. Традиционную политическую элиту Англии составляли землевладельцы, прежде всего джентри и аристократия, не более 4 тыс. семей.⁵ Политическая элита Британии (под которой подразумевается

⁵ *Cash N. Aristocracy and People: Britain 1815–1865. Cambridge (Mass.), 1979. P. 18.*

относительно замкнутый круг лиц с достаточно постоянным и ограниченным составом, объединенный сильными внутренними связями и обладающий определенными преимуществами по отношению к остальному обществу) опиралась на 6 % населения, обладавшего активным избирательным правом. А непосредственным субъектом власти являлась британская аристократия, которая оказывала определяющее влияние на механизм принятия решений органами исполнительной и законодательной власти.

При анализе политических отношений в Великобритании конца XVII — первых десятилетий XIX в. рационально применение принципов как классово-элитаристской концепций общественного устройства в их органичном соединении и синтезе. Целесообразность выбора категории «политическая элита» обусловлена особенностями переходного периода, когда происходило формирование индустриального капитализма, с присущими ему неустойчивой структурой общества и усилением социальных контрастов.

Предлагаемая концепция парламентской системы Великобритании XVIII — первой трети XIX в. обусловлена отказом от «линейной» политико-правовой истории, в которой XVIII столетие оказалось лишенным исторической самостности и, по меткому выражению Дж. Перкина, рассматривалось лишь как «грядка с рассадой» для XIX в.⁶ Такой подход обозначил проблему поиска системообразующих элементов парламентского механизма Англии в этот период, в том числе определения сущности парламентской оппозиции.

Термин «оппозиция» вошел в употребление в 1730-х годах. Почтительное выражение «оппозиция Его Величества» появится гораздо позже, в эпоху парламентской реформы 1832 г.⁷ На протяжении предшествующих ста лет отношение к оппозиции было преимущественно негативным, ибо она прочно ассоциировалась с понятиями «партия» и «фракция».⁸ Исходное качество «фракции» как носителя групповых интересов надолго определило негативное отношение к ней. Слово «фракция» (*faction*) происходит от лат. *fecere* (делать, действовать), а производное от этого глагола слово «*factio*» еще римские авторы употребляли для обозначения политической группы, решившейся на разрушительные, зловердные действия. В дальнейшем образовался прочный тандем двух понятий — фракция и партия, они существовали как синонимы, употреблялись взаимозаменяемо, и умы мыслителей занимала проблема поиска различий между ними. Переход к четкому пониманию и принятию этих различий и в теории, и на практике был медленным и болезненным. Поначалу в XVII в. нейтральное понятие *part* — «часть» вошло в активное употребление в качестве политической группы или партии. Вскоре после этого произошло синонимичное сближение двух понятий, в результате которого негативное восприятие фракции перекинулось и на партию.

Источниками активного неприятия фракции-партии, а следовательно и оппозиции, служили господствовавшие воззрения на государство, в котором партиям не должно быть места, ибо они рассматривались как силы, провоцирующие кризисы и раскалывающие общество. Именно такое восприятие партии и оппозиции культивировала английская философско-

⁶ Perkin H. The Origins of Modern English Society 1780–1880. London; Toronto, 1969. P. 4.

⁷ В 1826 г. Джон Хобхауз, выступая в парламенте, впервые использовал это выражение.

⁸ Зяблюк Н. Г. «Теория фракций» Джеймса Мэдисона // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 8–9. С. 76–78.

политическая мысль XVIII в. Генри Болингброк (1678–1751), хотя и был лидером тори в начале XVIII в., но, оттесненный от власти, стал считать партию политическим злом, а фракцию — самой худшей из всех партий, поскольку фракции всегда подчиняют общественные интересы личным или групповым, преследуя собственные цели, тогда как общий интерес приносится в жертву.⁹ В сочинениях других авторов содержатся схожие рассуждения. Так, Дэвид Юм (1711–1776) употреблял эти понятия как синонимичные и тождественные. В частности, он писал, что фракции разрушают правительство, делают бессильными законы и порождают яростную вражду в государстве.¹⁰

Таким образом, в феномене партий и фракций англичане XVIII в. видели требовавшую решения проблему представительства общественных интересов в органах государственной власти и соотношения групповых и общественных интересов в их деятельности.

Несколько иной смысл в понятие фракции вкладывали англиканские проповедники. Общим местом проповедей того времени стало осуждение «духа оппозиции», связываемой с пороками алчности и роскоши. Генри Стеббинг, отмечая присущие времени пороки алчности и роскоши, подчеркивал «бездумную неумеренность, распущенность фракций, угрожавших государству и вредящих Богу», другой священник сетовал, что «законами пренебрегают», и «беспокойство и фракционный дух распространяется среди народа», а Джеймс Стиллигфлит обнаружил в Ворчестере «распущенность», «оппозицию законной власти» и «деление на фракции и партии», ему везде мерещился «дух Оппозиции, Несогласия и Разногласия».¹¹

Дух беззакония в глазах англиканских священников, а следовательно и большей части их прихожан, выражался прежде всего в двух формах: непочтительной речи и оформленной парламентской оппозиции. Значительную часть, если не большинство, верующих беспокоила свобода устного и письменного слова. Наконец, духовенство открыто осуждало вигскую оппозицию Рокингэма 1760-х годов, поскольку она оскорбляла правительство.

Итак, понятия «недовольство» и «оппозиция», достаточно нейтрально звучащие в XX в., подвергались единодушному осуждению английским духовенством и большинством английских мыслителей, которые обнаружили в самом существовании оформленной парламентской оппозиции эгоизм, амбиции и нелояльность. Поскольку механизм государственного управления никогда не должен останавливаться и разобщенность в государственных делах — это ужасное зло, то считалось, что политическая борьба опасна, а партии ослабляют государство. Идеал единения общества, торийский идеал союза государства и церкви постоянно повторялись в англиканских проповедях. Англиканская церковь опасалась проявлений свободы, а осуждение ею фракций, партий, парламентской оппозиции оказалось тесно связанным с низкой оценкой уровня политической компетентности населения, а также с распространенной в широких слоях общества боязнью перемен к худшему и растущей надеждой на власть предрежащих.

⁹ *The Works of Lord Bolingbroke*. London, 1967. P. 401–402.

¹⁰ *D. Hume's Political Essays*. London, 1953. P. 401–402.

¹¹ *Bradly J. The Anglican Pulpit, the Social Order, and the Resurgence of Toryism during the American Revolution // Albion*. 1989. 21st of March. P. 382–383.

Как к оппозиции относились сами парламентарии? Статус оппозиции воспринимался как «унизительное положение меньшинства». Оппозиционно настроенные члены палаты общин, будь то виги или тори, предпочитали вообще не присутствовать в парламенте, не видя большого удовольствия в том, чтобы, как писал сэр Николас Морин, коммонер от Ньюпорта в 1718 г., «проехать четыре сотни миль, чтобы *расстроиться* и оказаться *осмеянным...* убедиться, что этот парламент не отверг ни единой просьбы Двора». ¹² Так, 6 февраля 1729 г., когда голосование в палате общин разделило коммонеров на 235 сторонников правительства и 80 оппозиции, произошел массовый исход торийской оппозиции из Лондона, поскольку все ее действия были бы безуспешны. Весьма наглядно положение оппозиции описано Таунсендом: «Если джентльмен поднялся для того, чтобы передать жалобы (избирателей), поскольку палата собралась для того, чтобы ответить на них, то он представлял собой лицо, препятствующее делам Ее Величества; если он был недоволен правительством, это означало, что он недоволен короной; если он выступал против продолжения войны для предотвращения обнищания нации... он более недостоин благосклонности королевы». ¹³

Это разочарование безнадежностью положения парламентской оппозиции было присуще тори в период правления Анны. Именно тогда сложилась практика покидать Лондон задолго до Рождества и затем задерживаться дома в начале нового года. Стойкие приверженцы старой доброй Англии, сельские джентльмены первой половины XVIII в., проводили это время дома, тогда как сменявшие друг друга правительства вигов прилагали усилия, чтобы протолкнуть наиболее значимые законопроекты в декабре или начале января.

Однако бессилие оппозиции как политического института оставалось практически неизменным вплоть до начала XIX в. Известно, что вигская оппозиция правительству Питта Младшего после 1786 г. переживала худший момент крушения всех надежд. Сам лидер вигов Чарльз Фокс признавался, что «Питт — министр, который процветает от поражения и расцветает от разочарования. Провинциальные джентльмены противостояли ему по одному пункту, чтобы усилить поддержку по другому, он был разбит ими по одному вопросу, чтобы быть поддержанным по следующему, если он утратил власть сегодня из-за земельного интереса, он с его же помощью обретет ее завтра уверенно, с удвоенной силой и обновленной энергией». ¹⁴

Оппозиция XVIII в. хорошо понимала, что создание помех правительству, особенно голосованием против налогов, исходя из фракционных приоритетов и идейных принципов, не было частью политической игры того времени. Когда Ч. Фокс настаивал на такой тотальной оппозиции, его поддерживала лишь небольшая группа личных друзей, поскольку парламентарии той эпохи рассматривали поддержку правительства как патриотический долг. Подобные воззрения служили серьезным препятствием развитию института оппозиции в повседневной практике палаты общин. Не удивительно, что сторонники Ч. Фокса не разрабатывали планов деятель-

¹² *History of Parliament. The House of Commons 1715–54: In 2 vols.* London, 1970. Vol. 1. P. 278.

¹³ *Townsend W. S. History of the House of Commons from 1688 to 1832.* Vol. 1. P. 309.

¹⁴ *Kelly P. British Parliamentary Politics 1784–1786 // The Historical Journal.* 1974. № XVII, 4. P. 739.

ности оппозиции, а некоторые предлагали вообще покинуть парламент. Явная безнадежность положения, сенсационное поражение и в парламенте, и за его стенами предопределили отказ лидеров оппозиции от участия в парламентской деятельности. Ч. Фокс, как это было принято, ретировался в родовое поместье, а к 1789 г. организованная вигская оппозиция перестала существовать.

В связи с этим интересно заметить, что стратегия правительства на протяжении всего XVIII в. заключалась в достижении политической стабильности на основе единогласия и отсутствия принципиальной полемики в стенах парламента, тогда как тактика правительства выглядела как поглощение потенциальной оппозиции существующими правительственными структурами. Именно так поступило правительство Пэламов в 1747 г., коалиция Питта Старшего — Ньюкастла в 1757 г. Политическая стабильность правительства Норта в 1770-х годах объясняется прежде всего полнейшей дезинтеграцией объединенной оппозиции. Когда в ноябре 1783 г. Ч. Фокс попытался заставить Питта Младшего войти в коалиционное правительство Фокса—Норта, он всего лишь следовал стандартной парламентской практике своего времени. В свою очередь, Питт Младший сделал аналогичное предложение лидеру оппозиции Ч. Фоксу, прежде чем занять пост премьер-министра. В начале 1784 г. независимые члены палаты общин, собравшись в таверне «St. Alban», предлагали правительству объединиться с оппозицией, что должно было, по их мнению, стать основным условием стабильной работы кабинета министров. Один из организаторов этого собрания, Джон Синклер, решительный сторонник Питта Младшего, полагал, что даже если правительство последнего добьется поддержки значительного парламентского большинства, законодательная деятельность правительства будет невозможна, ибо существует организованная оппозиция вигов.¹⁵ Таким образом, идея устойчивого правительства, начинающего свое существование с потенциальным альтернативным правительством в оппозиции (нормальная практика XIX—XX вв.), даже в конце XVIII в. казалась неприемлемой.

Вызывает интерес то постоянство, с которым лидеры вигов, находившиеся у власти и располагавшие парламентским большинством, заключали кратковременные коалиции с тори: У. Палтни в 1730-х годах, Г. Пэлам в 1744 г., принц Уэльский в 1747 г., герцог Ньюкастл в 1754 г. Почему эти политики так были озабочены поддержкой малочисленной оппозиции? Во-первых, по общему мнению современников, парламентская группировка тори была лишена как способных ораторов, так и администраторов. Эта посредственность делала тори идеальными союзниками. Они не претендовали на престижные и влиятельные посты в правительстве, однако могли обеспечить хорошую посещаемость депутатов палаты общин во время парламентской сессии и согласованное голосование по внесенным вигами законопроектам. Во-вторых, хотя Р. Уолпол осуществил радикальную чистку государственного аппарата от тори, он не сумел разрушить группировку тори. В условиях существования нереформированной избирательной системы, активное избирательное право которой основывалось на высоком земельном и имущественном цензе, кардинально подорвать политические позиции тори — сельских сквайров и лендлордов было практически невозможно. В итоге около 100 тори продолжали

¹⁵ Op. cit. P. 734.

занимать места в палате общин на протяжении первой половины XVIII в. и многие из них представляли населенные и урбанизированные избирательные округа.¹⁶ В-третьих, ни Р. Уолпол, ни его последователи не сумели разрушить претензии тори, которые продолжали рассматривать себя способными сформировать правительство, даже если это требовало альянса с частью вигской оппозиции. Сам факт изгнания тори с придворных и государственных постов придавал им ощущение тождества, помогал сохранить верность торийским традициям и убеждениям («Церковь и Корона»).

На протяжении всего XVIII столетия парламентская оппозиция оставалась скорее кампанией, организующейся заново по каждому отдельному случаю. Состав оппозиций в 1714–1760 г. оставался смешанным, ибо виги и тори действовали не только в соответствии с собственными убеждениями, политическими принципами и амбициями, но и в интересах двора наследника трона. Только после 1832 г. правительство и оппозиция институционализировались в две политические партии в полном смысле слова — либеральную и консервативную.

Министры начала XVIII в. в такой степени идентифицировались с королевскими министрами, что оппозицию характеризовала определенная династическая нелояльность. Это подтверждается изначальным сходством тори и якобитов, тем более что в первые десятилетия XVIII в. ганноверский режим невысоко оценивался общественным мнением страны.

Следует внести коррективы в понимание внутреннего механизма и соответствующего баланса институтов власти Великобритании той эпохи. Уточнение общепринятой в научной литературе перспективы, в которой обычно рассматривается государственно-правовой режим ганноверской династии,¹⁷ означает уменьшение политической значимости парламентской оппозиции, а следовательно, и палаты общин, увеличение значения палаты лордов и, безусловно, более весомый статус королевского двора, администрации, церкви и монарха.

Каково было отношение монарха к парламентской оппозиции? Триумф кабинета Питта Младшего в 1784 г. над оппозиционной коалицией Фокса—Норта, располагавшей большинством голосов в палате общин, — известное событие британской парламентской истории, тесно связанное с проблемой восприятия современниками и, прежде всего, монархом сущности парламентской оппозиции XVIII в. как «оппозиции *Ego Величеству*».

По сути, оппозиция посягала на одну из самых действенных прерогатив, оставшихся у британских монархов в XVIII в. — право выбора и назначения министров. Британский монарх в XVIII в. обладал правом вето в сфере законодательства, возведения в пэрское достоинство, созыва и роспуска

¹⁶ Согласно закону 1711 г. «The Landed property qualification» ни одно лицо, включая жителей парламентских городов, не могло быть избрано в парламент, если не располагает *земельной собственностью*, приносящей не менее 300 ф. ст. годового дохода. Современники событий отчетливо представляли себе суть этого парламентского акта: «Замысел... состоял в том, чтобы не допустить возможности заседания в палате общин придворных, военных, коммерсантов в надежде, что если это будет установлено, земельный интерес станет преобладающим соображением в ходе всех обсуждений» (*Parliamentary History of England from the Earliest Period to 1803* / Ed. by W. Cobbett. London, 1808. Vol. VI. Col. 1003).

¹⁷ См., напр.: *История Европы*. Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века). М., 1994. С. 349–350.

парламента, однако право назначения министров оставалось центральным и самым эффективным. Король мог не иметь дело с политиками оппозиции, ему *лично неприятными*. На практике личная и политическая неприязнь монарха, например Георга III, была трудно различима. В общем контексте развития политической системы после событий 1688–1689 гг. борьба против «влияния» короны или «тайного влияния», которое «друзья короля» оказывали на монарха, объективно оказалась направлена на дальнейшее ограничение королевской прерогативы — и в этом состояло ее позитивное значение. Фактически Георг III лишь использовал права, конституционно закрепленные за королевской властью, но уже это внесло в политическую жизнь Великобритании элементы хаоса и раздора, что нашло конкретное выражение в глубоком кризисе власти в 1783 г. Монарх, в нарушение установленной традиции, разрешил лорду Темплу сослаться на мнение монарха, что тот будет «считать *своими врагами* всех голосовавших в поддержку билля» (так называемого индийского билля Ч. Фокса).¹⁸ Прямое вмешательство короля предрешило исход голосования и большинством голосов пэры отклонила предложение вигской оппозиции. Именно опираясь на палату лордов, Георг III сумел в 1782–1784 гг. нейтрализовать оппозиционное большинство в палате общин.

В связи с этим вполне закономерным представляется требование вигской оппозиции, чтобы королевская власть была лишена возможности вмешиваться в политику. Оно было сформулировано в известном решении палаты общин (так называемая резолюция Даннинга 1783 г.): «...влияние короны возрастало, возрастает и должно быть уменьшено». Но что касается реальности «влияния», то вигская схема, бесспорно, мифологична. В вопросах формирования нового правительства монарх в большей степени действовал самостоятельно. В целом политической элитой Британии в конце XVIII в. было признано, что глава правительства должен располагать доверием как короны, так и парламента. Однако не существовало готового ответа на вопрос, что делать, если такой политик не найден. Фактически стабильность политической системы конца XVII — первых десятилетий XIX в. зависела от достижения компромисса между королевской прерогативой назначения министров и согласием ведущих политиков — как сторонников правительства, так и оппозиционных.

В XVIII — начале XIX в. парламентский механизм лучше функционировал, когда существовала нелегальная внепарламентская оппозиция монарху в форме якобитского движения, как это было в первой половине XVIII в. К середине XVIII в. торизм, скомпрометированный причастностью к якобитскому движению, сошел с национальной политической сцены, превратившись в оппозицию провинциальных землевладельцев правительственному курсу. Большая часть мелкого и среднего дворянства, составлявшего социальную базу торийской группировки, перешла в пассивную оппозицию, изредка выступая против тех мероприятий правительства, которые откровенно шли вразрез с ее интересами. Не имея сколько-нибудь значительного противодействия, вигское господство приобрело черты олигархического правления, принцип которого определялся формулой

¹⁸ *Parliamentary History of England from the Earliest Period to 1803*. London, 1815. Vol. XXIV. Col. 154.

«люди, а не меры», власть же делилась между несколькими аристократическими кланами, так называемыми великими парламентскими семьями. Закономерным следствием подобного положения стал удручающий расцвет политического интриганства, коррупции, патронажа.

К 1760 г., когда все парламентарии оказались более или менее лояльны королевской власти, выбор монархом министров лишился принципиальной политической основы, а политическое противостояние приняло форму «выбора лучших людей». В 1770 г. Шелборн, один из лидеров оппозиции, сокрушался, что парламентская оппозиция состоит из горстки индивидов и сколь бы они ни пытались объединить свои усилия и выработать единое мнение по важным вопросам, их амбиции, как всегда, берут верх.

После 1784 г. оппозиция, представленная главным образом вигами Фокса, переживала далеко не лучшие времена. Она была малочисленной и слабой в идейном и организационном отношениях. Ближайшее окружение Ч. Фокса было расколото спорами и личной враждой. Оппозиция заигрывала с наследником, будущим Георгом IV, но поддержки правящего короля было достаточно, чтобы держать Питта Младшего, министров, высших должностных лиц так долго, как он считал нужным, или пока они не попросят об отставке. Правда, если монарх отстранял чиновника, это воспринималось как королевский произвол. Дилемма сущности королевской власти в исследуемый период заключалась в том, что монарх не должен был представлять интересы одной группы политиков, но приводя к власти ту или иную парламентскую группировку королевская прерогатива гарантировала ей завоевание парламентского большинства.¹⁹ В условиях, когда оппозиция оставалась малочисленной, политические партии отсутствовали, виги и тори представляли собой аморфные парламентские группировки, различие между которыми зачастую было трудно проследить и чья политика носила преимущественно локальный характер, именно монарх как единственный устойчивый элемент исполнительной власти сохранил дискреционную власть, выражавшуюся в исключительном праве короны назначать министров, влиял на ход избирательных кампаний, контролировал значительную часть депутатского корпуса. Подавляющее большинство депутатов палаты общин составляли так называемые заднескамеечники — земельные собственники, в лучшем случае выражавшие локальные интересы, зачастую предпочитавшие утомительным парламентским процедурам скачки, охоту с собаками, игру в карты, шерри и эль. Многим видным политикам XVIII в. да и Короне приходилось прилагать значительные усилия, чтобы заставить парламент функционировать в качестве не эффективного, но эффективного органа законодательной власти.

Таким образом, влияние монарха на депутатский корпус, результаты выборов в палату общин и персональный состав верхней и нижней палат парламента отражал специфику государственно-правового режима ганно-

¹⁹ В апреле 1782 г. Э. Берком, членом вигской оппозиции, был дан точный прогноз результатов одного из самых затяжных политических кризисов XVIII в., когда Англия в течение пяти недель оставалась без кабинета министров: «...разбитые корпуса последнего правительства [Норта] сплотит воедино *тайная поддержка Двора*, которую легко предположить... эти интриги завершатся успехом и приведут к созданию новых политических союзов» (*The Correspondence of Edmund Burke* / Ed. by T. W. Copeland: In 9 vols. Cambridge, 1970. Vol. 4. P. 440).

верской Англии, а именно отсутствие соответствующих конституционных механизмов и парламентских процедур, особенности перехода от сословного представительства к парламентаризму в буквальном смысле слова.

Итак, институт парламентской оппозиции в Англии XVIII в. не имел четко закрепленного конституционного статуса. Однако парламентарии на обеих сторонах палаты общин осознавали, что оппозиция, какой бы слабой она ни была, защищала режим законности и контролировала эксцессы исполнительной власти. Депутат Г. Маккензи, как впрочем и сам Георг III, обоснованно полагал, что оппозиция в Великобритании — это «установленный институт» политической практики.²⁰ Вместе с тем не следует преувеличивать степень участия оппозиции в процессе принятия политических решений. В условиях отказа от нелегальных форм политической борьбы ее роль сводилось преимущественно к наблюдению за проводимым государственным курсом, поддержанию режима законности, ограничению коррупции правительства и публичной критике власти, которая просвещенными олигархами XVIII в. рассматривалась как не только привилегия, но прежде всего ответственность.

²⁰ Foord A. His Majesty's Opposition. 1714–1830. Oxford, 1964. P. 369.

Дуализм итальянского частного права

К. Г. СУДАКОВА*

Дуализм частного права обусловлен самой его структурой и определяется тем, какое место отводится гражданскому праву в регулировании частноправовых отношений. Таким образом, проблема дуализма частного права в известной мере условна: своим существованием она обязана отнюдь не особенностям правового регулирования имущественных отношений вообще, а взаимоотношениям между гражданским и торговым (коммерческим, предпринимательским) правом.

Гражданское и торговое право традиционно представляют собой две самостоятельные, параллельные, конкурирующие частноправовые подсистемы. Однако вследствие особой силы гражданско-правовых устоев либо слабости商о-правовых начал противостояние между гражданским и торговым правом может не проявляться открыто. Так, автономия торгового права, а стало быть, и частноправовой дуализм, не существовали ни на Древнем Востоке, ни в Элладе, ни в Древнем Риме. Напротив, в силу исторических традиций сложилось самостоятельное торговое право в Германии, во Франции, а также в ряде государств Ближнего Востока, Центральной и Южной

* Аналитик Санкт-Петербургского представительства Института внешней торговли Италии (ИЧЕ).

© К. Г. Судакова, 2002

© А. В. Ильин (научная редакция), 2002